

VI в. до н. э.⁶⁷ Однако имеющиеся источники не позволяют окончательно решить вопрос о начале обращения кизикинов в качестве интерлокальной монеты. Если для V в. до н. э. факт широкого распространения кизикинов доказан, то для VI в. до н. э. мы располагаем слишком скудными данными⁶⁸. С первой половины V в. до н. э. кизикины занимают значительное место в денежном хозяйстве Фракии и Причерноморья, где они почти полтора века выполняют роль интерлокальной монеты⁶⁹.

Даты зарытия кладов указывают на различия в характере обращения кизикинов в отдельных районах греческого мира, особенно в IV в. до н. э., когда кизикины постепенно утрачивают свое место в процессе обращения. Зарытие сокровищ представляет выпадание определенной массы монет из обращения. Поводом для зарытия могли стать как внешнеполитические события (как в случае с Орловским кладом и кладом из Принкипо⁷⁰), так и общеэкономические причины. В IV в. причиной сокращения клада кизикинов в Греции мог быть массовый приток золота, которому электр должен был уступить место как более благородному металлу.

В Греции и Фракии, если согласиться с принятыми датами зарытия кладов, процесс вытеснения кизикинов из обращения начался задолго до прекращения выпуска кизикского золота. Начало было положено золотыми выпусками других городов и завершилось золотом македонских царей. В Северном Причерноморье количества ольвийского⁷¹ и боспорского золота было недостаточно, а золото македонских царей проникало сюда медленнее⁷². Поэтому здесь кизикины исчезают из обращения значительно позднее. Это доказывает не только состав кладов, но и речь Демосфена против Формиона (XXXIV), из которой следует, что стоимость кизикинов в Северном Причерноморье в 327 г. до н. э. была выше, чем в Афинах.

Кизикские статеры продолжают обращаться на рынках еще некоторое время после прекращения деятельности кизикского монетного двора. Постепенно активность их в обращении сокращается. Место электровых статеров Кизика занимают золотые эмиссии Александра и Лисимаха.

⁶⁷ П. О. Карышковский. Об обращении кизикинов в Ольвии, с. 9; Д. Б. Шелов. Кизикские статеры на Боспоре, с. 95. Обращение кизикинов на Боспоре засвидетельствовано в V в. до н. э. граффито из Фанагории (Ю. Г. Виноградов. Новые материалы по раннегреческой экономике. — ВДИ, № 1. М., 1971, с. 68).

⁶⁸ Единичные находки кизикинов I группы в Ольвии и Истрии, безанское граффито первой половины VI в. до н. э. (Ю. Г. Виноградов. Указ. соч., с. 65).

⁶⁹ Исключение составляет, по предположению П. О. Карышковского, Ольвия и, возможно, Истрия, где мелкие фракции кизикского золота выступают в функции заменителя местного серебра (П. О. Карышковский. Об обращении кизикинов в Ольвии, с. 10—13). См. возражения М. Лалу (M. Laloix. Указ. соч., с. 62).

⁷⁰ Зарытие клада из Принкипо в свое время датировалось К. Реглингом временем похода Александра на Восток, т. е. 335—334 г. до н. э. (K. Regling. Der griechische Goldschatz von Prinkipo, с. 42—43). Недавно Е. Похитонов пересмотрел дату Реглинга и выдвинул веские соображения в пользу более ранней даты зарытия клада — приблизительно середина IV в. до н. э. (E. Pochitov. Nové datování pokladu antických mincí z nalezu na ostrově Prinkipo, 1930. — NSb, 1967—1968, с. 31—59). В таком случае более древним является и клад из Орловки.

⁷¹ В Ольвии попытка чеканить золото была предпринята лишь в 30-е годы IV в. до н. э. (П. И. Каришковский. З історії Ольвії. — Праці Одеського університету, серія історичних наук, т. 146, № 5. Одеса, 1956, с. 170).

⁷² Ср. находки статеров Филиппа и Александра в Нижнем Подунавье и во Фракии (Inventory, № 727, 728, 775, 777), а также в Северном Причерноморье (Т. В. Бланатская. Указ. соч., с. 124—127).

И. Б. КЛЕЙМАН

К СТРАТИГРАФИИ НАПЛАСТОВАНИЙ
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ТИРЕ

Раскопки Тире, изучение ее культурных напластований за тысячелетнюю историю связано со значительными трудностями. Античные остатки были перекрыты наслоениями золотоордынского города конца XIII—XIV вв.¹, местами достигающего мощности до 3 м и более, слоем Белгорода XV в., включающим крепостные сооружения Молдавского периода, а также наслоениями турецкого Аккермана — верхним горизонтом городища². Такая многослойность памятника усложняет доступ к остаткам Тире. Кроме того, интенсивная деятельность человека на протяжении более чем 2,5 тыс. лет на ограниченной, густо заселенной площади приводила к частым вторжениям из верхних горизонтов в нижележащие, нарушениям последовательности залегания культурных напластований на значительную глубину и на больших участках.

При насыщенности культурного слоя часто несвязанными, разновременными кладками и смешанным сопровождающим материалом невозможно изучение по археологическим источникам истории города без четкого представления о последовательности и хронологии напластований, характере строительных остатков и сопутствующих им вещей на каждом из перечисленных этапов. Необходимо также разделение строительных остатков и находок по периодам в каждом слое.

Такая общая стратиграфическая схема памятника сложилась при обобщении данных, полученных в разное время в раскопках небольшого числа участков с сохранившейся первоначальной последовательностью отложений, особенно перекрывающих друг друга строительных остатков.

Овладение стратиграфией позволяет уже на данном этапе более эффективно вести исследования всех, в том числе и подвергшихся перекопам и вторжениям, участков городища.

Раскопки последних более чем десяти лет, начиная с 1963 г., позволили выделить в раскрываемых на широкой площади южной части Центрального раскопа грунтовых наслоениях и архитектурных остатках ряд новых периодов интенсивной жизни города. В частности, была установлена более детальная относительная и абсолютная хронология в слоях Тире римского времени, к которым нами отнесены остатки города II—IV вв. н. э. Настоящая работа посвящена кратко изложению результатов этих новых наблюдений.

Напластования античного города на территории Белгород-Днестровской крепости открыты Э. Р. Штерном³, однако рассматривались еще нерасчлененно, одним слоем. Уже Л. Д. Дмитров, производя раскопки на прикрепостной площади в 1945—1947 и 1949—1950 гг., различал

¹ А. А. Кравченко. Жилые комплексы золотоордынского Белгорода (см. настоящий сборник).

² А. А. Кочубинский. Тура (Тирас)-Белгород-Аккерман и его новая надпись от 1454 г. — ЗООИД, т. XXIII. Одесса, 1901, с. 79—178; А. Н. Зограф. Древний город Тира-Белгород-Аккерман. — КСИИМК, вып. 8. М., 1940, с. 63—67; Резолюция заседаний ученых советов ИИМК АН СССР и ИИ Молдавского филиала АН СССР 20—23 мая 1953 г. — КСИИМК, вып. 56. М., 1954, с. 138.

³ Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. — ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1901, с. 33—36.

в остатках Тире напластования двух хронологических периодов: римского (I—III вв. н. э.) и эллинистического (III—II вв. до н. э.)⁴.

Дальнейшее изучение состава, последовательности и датировки античных наслоений было связано с углублением на площади, освобожденной от средневековых напластований в результате работ Л. Д. Дмитрова. А. И. Фурманская в ходе раскопок, производившихся в 1953, 1958—1963 гг. в весьма скромных масштабах, выделила также раннеэллинистический слой. Ею были доследованы подвалы из великолепно обработанных и тщательно сложенных блоков ракушечника, содержащие в нижних слоях заполнения находки IV в. до н. э.⁵ Подвалы были обнаружены еще в 1940—1941 гг. В. А. Шахназаровым, отчеты которого не сохранились.

Открытие Первой поперечной и Первой продольной улиц с расположенными вдоль них постройками позволили А. И. Фурманской по ряду комплексов находок уточнить датировку слоя римского времени, отнеся эти мощные напластования ко II — середине III вв. н. э.⁶ Отдельные предметы I в. до н. э. — I в. н. э., в том числе двустольные ручки амфор, монеты, краснолаковая керамика, встречаются при раскопках фундаментов кладок и нижних горизонтов слоя II—III вв. н. э. Следы разрушений с находками II—I вв. до н. э. в засыпях отражают события предшествующего периода в истории города.

Наслоения I в. н. э. остаются до настоящего времени невыделенными. Середина III в. н. э. долгое время считалась датой прекращения жизни Тире⁷, а все строительные остатки, расположенные выше архитектурно увязанных и ясных комплексов II — середины III вв. н. э., в том числе и каменные кладки, в которых наблюдается античная система, отнесены к средневековой эпохе. Следы сильных разрушений, наблюдаемые при раскопках верхних слоев, связывались с готским нашествием и рассматривались как признаки гибели города. Такой вывод якобы подтверждался прекращением чеканки монет и другими признаками. Однако накапливающиеся вещественные материалы III в. н. э., особенно второй половины и конца, в том числе монеты Клавдия Готского (268—270 гг.) и Диоклетиана (284—305 гг.), позволили еще А. И. Фурманской (в работе 1963 г.) усомниться в окончательном прекращении жизни в городе после готского нашествия 232—238 гг.⁸ Впоследствии П. О. Карышковский на основании новой серии нумизматических данных также указал на возможность того, что Тира и Оливия пережили эти события⁹.

Дальнейшими раскопками, проведенными под руководством

⁴ Л. Д. Дмитров. Белгород-Днестровська археологічна експедиція. — АП, т. II. К., 1949, с. 39—52; его же. Розкопки в м. Белгороді-Дністровському в 1947 р. — АП, т. IV. К., 1952, с. 59—64; его же. Основні підсумки Ізмаїльської експедиції 1949—1950 рр. — АП, т. V. К., 1955, с. 111—123.

⁵ А. И. Фурманская. Исследования Тире. — КСОАМ за 1962 г. Одесса, 1964, с. 59.

⁶ А. И. Фурманская. Розкопки Тире в 1958 р. — АП, т. XI. К., 1962, с. 124—125; ее же. Археологічні пам'ятки Тире перших століть нашої ери. — Археологія, т. X. К., 1957, с. 85—87.

⁷ А. И. Фурманская. Античный город Тира. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 50; А. Н. Зограф. Монеты Тире. М., 1957, с. 17—18, 43.

⁸ А. И. Фурманская. Исследования Тире..., с. 63; А. И. Фурманская, В. В. Лалин. Тира. — Археологія Української РСР, т. 2. К., 1972, с. 114.

⁹ П. О. Карышковский. Находки позднеимперских и византийских монет в Одесской области. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 82, 85.

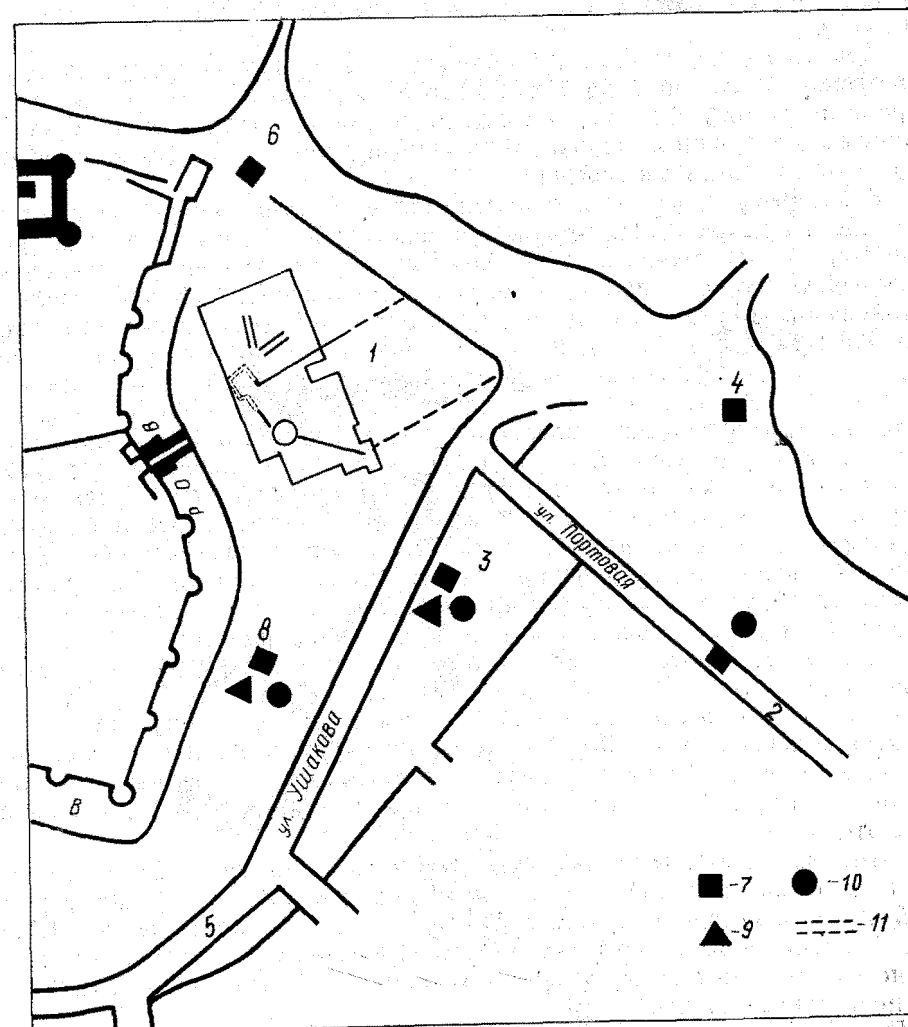

Рис. 1. Схематический ситуационный план расположения Центрального раскопа и некоторых шурфов:

1 — Центральный раскоп с указанием расположения цитадели; 2 — ул. Портовая; 3, 4, 6, 8 — шурфы; 5 — ул. Ушакова; 7 — обозначения шурфов; 9 — культурный слой античного города; 10 — культурный слой города XIII—XIV вв.; 11 — предполагаемое направление стен цитадели.

С. Д. Крыжицкого¹⁰ в 1969—1971 гг. и автора в 1963, 1965—1968, 1972—1974 гг., наряду с другими задачами предусматривалось изучение позднеантичных напластований Тире, в результате чего были получены твердые археологические доказательства активной жизни города на протяжении еще более чем одного столетия. Основные работы продолжались на той же крепостной площади к востоку от главных ворот Белгород-Днестровской средневековой крепости от ее гласиса в направлении берега лимана (рис. 1). Существовавший здесь раскоп

¹⁰ С. Д. Крыжицкий. Итоги и задачи археологического исследования Тире-Белгорода. — Тези XV наукової конференції Інституту археології АН УРСР. Одеса, 1972, с. 223—227; его же. Стан і завдання археологічних досліджень Тире-Білгорода. — Вісник АН УРСР. К., 1972, с. 47—53.

(А) был продлен к югу; в 1974 г. вновь прирезанная площадь достигла 1,8 тыс. м², а площадь всего раскопа, названного Центральным, — 3,8 тыс. м².

Как уже отмечалось, на всей южной части Центрального раскопа углубление доводилось до горизонтов напластований II—IV вв. н. э. Строительные остатки и грунтовые наслоения с сопутствующим вещественным материалом образовали мощный пласт в 1—3,5 м с четко выделяющимися двумя слоями.

К нижнему слою относится занимающая всю вновь раскрытую площадь западная часть цитадели римских войск¹¹, состоящая из трех участков оборонительных стен (рис. 2), ограничивающих указанную территорию с севера, запада и юго-запада. Северная куртина отделяет цитадель от квартала города, ограниченного участками открытых продольной и поперечной улиц и составляющего с цитаделью единый, связанный стратиграфически, лежащий в одной горизонтальной плоскости массив строительных остатков. Куртина с примыкающими с запада и востока следами узловых укреплений протяженностью 41,5 м проложена в 7 м к югу от Первой продольной улицы параллельно ей, что указывает на архитектурную связь этих двух строительных комплексов — квартала города и цитадели. Не случайно Первая поперечная улица подходит к еще не полностью открытому северо-западному углу цитадели, а большие плиты, перекрывающие водосток улицы, по размерам, характеру обработки и другим признакам однотипны с камнем ее сооружений, что также свидетельствует об их синхронности.

Уже указывалось на твердо обоснованную датировку в работах А. И. Фурманской (II — серединой III вв. н. э.) верхнего горизонта строительных остатков, включающих дома, выходящие фасадами на Первую поперечную улицу. Раскопки их сопровождались большим количеством монет Тиры¹² и римских императоров¹³, включая два значительных клада¹⁴, послуживших основой для абсолютной датировки всего этого слоя.

Западный и юго-западный участки открытой части цитадели состоят из короткой западной куртины, большой круглой башни диаметром 11,75 м и юго-западной куртины, сохранившейся на протяжении 44,3 м (рис. 3). Они образовали единый слой строительных остатков, относительно которого четко определились более поздние постройки и отдельные несвязанные кладки.

Внутри цитадели к нижнему слою напластований римского времени отнесены здание вексиляции I Италийского легиона, датированное концом II — серединой III в. н. э.¹⁵, общая стена (192—194) ряда помещений, расположенных между северной куртиной и Второй продольной улицей, одно из которых полностью выявлено в плане (198).

¹¹ С. Д. Крыжицкий, И. Б. Клейман. Открытие оборонительных сооружений Тиры. — АО 1970 г. М., 1971, с. 258; С. Д. Крыжицкий, И. Б. Клейман. Розкопки в Білгороді-Дністровському. — Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., вип. IV. К., 1972, с. 181; И. Б. Клейман, А. А. Кравченко, В. Н. Корпусова. Раскопки Белгород-Тирской экспедиции. — АО 1973 г. М., 1974, с. 285.

¹² А. И. Фурманська. Розкопки Тіри..., с. 135—136.

¹³ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. — САИ, вып. Г4-4. М., 1961, с. 70, № 749, 752.

¹⁴ Л. Д. Дмитров. Основні підсумки..., с. 114; А. И. Фурманська. Розкопки Тіри..., с. 127; ее же. Археологічні пам'ятки..., с. 85; ее же. Клады монет из раскопок Тиры. — НСФ, т. I. К., 1963, с. 76—86.

¹⁵ И. Б. Клейман. Раскопки помещения вексиляции I Италийского легиона в Тире. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 229—238.

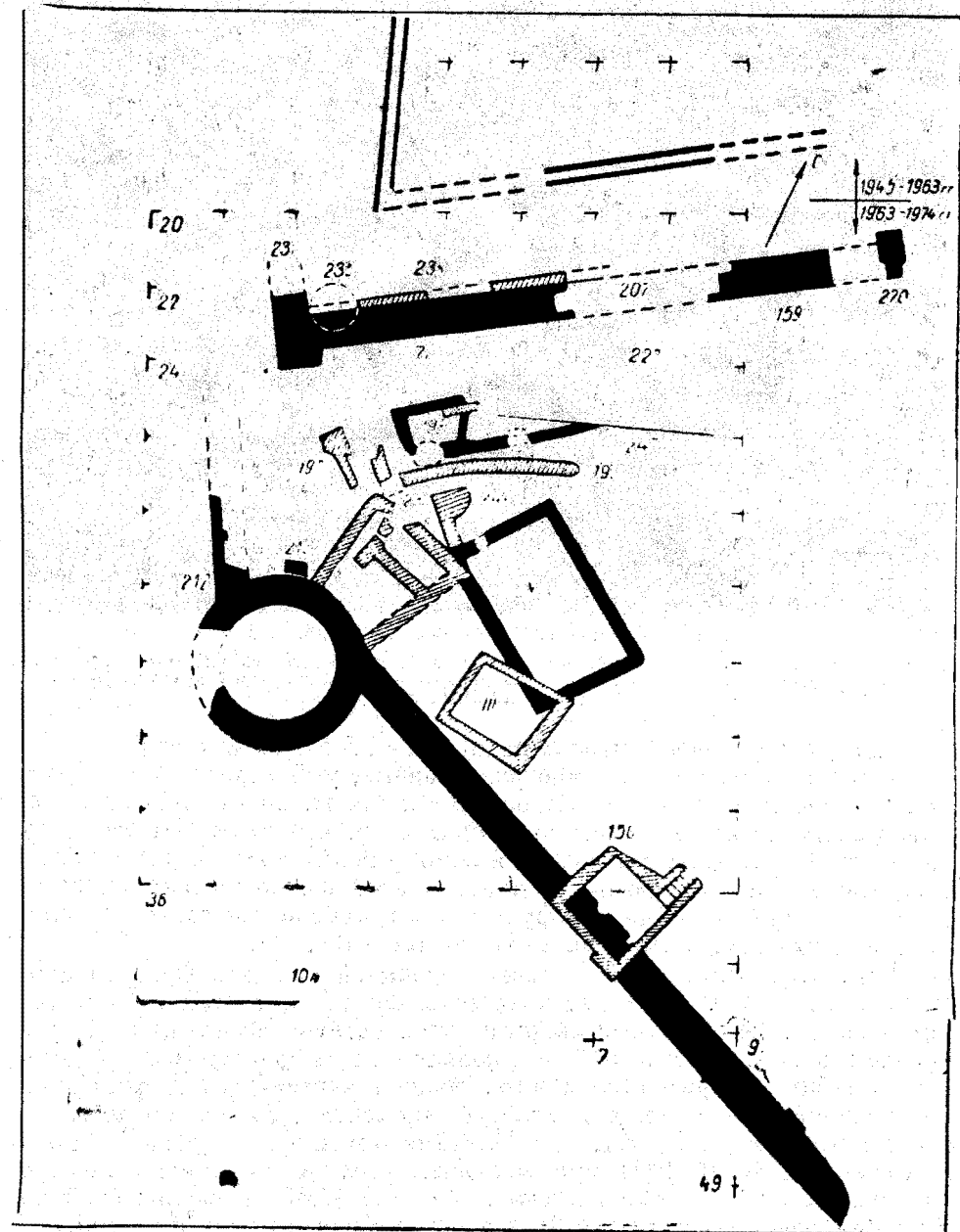

Рис. 2. Схематический план строительных остатков II—IV вв. н. э. в южной части Центрального раскопа.

Рис. 3. Строительные остатки II—IV вв. н. э.

V — помещение вексиляции I Италийского легиона; 37 — юго-западная куртина; 68 — круглая башня; 212 — западная куртина; 88 — «последготский» дом; 111 — помещение второй половины III в. н. э.; 150 — подвал с лестницей на куртине 37.

К верхнему слою напластований II—IV вв. н. э. относились постройки, возникшие на частично разобранных, уже переставших играть роль цитадели сооружения. Строительная ось их по отношению к нижележащим остаткам изменила направление, что позволяет легче их выделять. Кроме того, теперь уже к самому позднему слою были также отнесены отдельные строения и кладки, лежащие по уровню этого же горизонта и не связанные с сооружениями цитадели или своим расположением исключающие их использование (260, 197, 54).

Строительные остатки на вновь раскрытой площади Центрального раскопа, принадлежащие рассматриваемому слою, включали помещение, перекрывающее юго-западный угол здания вексиляции (III) с уровнем пола на отметке 16,6 м¹⁶, подвал с лестницей в наземное помещение (150), построенный на юго-западной куртине (37), специально разобранный в этом месте до плит фундамента (уровень подошвы — отметка 15,62 м), угол мощеного плитам помещения (с поверхностью на отметке 17,81 м) (244), примыкающего с одной стороны к вымостке из крупных плит с поверхностью на отметке 17,67 м, проложенной по Второй продольной улице (193), и преграждающего вход в помещение вексиляции (порог на отметке 16,9 м) римского гарнизона (V).

Наиболее сохранившимся строением, расположенным в верхнем горизонте этого слоя, был дом, состоящий из двух или трех помещений

¹⁶ Отметки глубин ведутся от уровня подпятника главных ворот средневековой крепости, условно определенного +20.

и мощеного дворика, пристроенный к северо-северо-восточному фасаду круглой башни цитадели («последготский дом») ¹⁷.

Стратиграфическое положение перечисленных остатков также не увязывалось с объектами цитадели. В то время как в ближайших точках подошвы здания вексиляции и юго-западной куртины (37) лежат на одном уровне (отметки глубин 15,64 и 15,70 м), а цоколь круглой башни еще ниже (отметка 14,2 м), пол и подошвы стен пристроенного к башне дома находятся выше более чем на 2 м (отметка 18,0 м), а одна из его стен (23) своим основанием выходит на северо-западный угол здания вексиляции (V). Вход в последнее, расположенный в северо-западной стене, обращен в сторону Второй продольной улицы (отметка порога 16,9 м). Однако примыкающий к этой же стене мощеный плитами пол помещения (244) и вымостка из таких же плит (193), проложенная по улице, лежат выше порога здания вексиляции на 0,65—0,77 и 0,91 м (отметка поверхности пола помещения 17,81, вымостки — 17,55—17,67 м).

Следует также отметить значительную разницу в уровнях дневных поверхностей или поверхностей, близких к дневным, того и другого слоя. Дневная поверхность времени цитадели определяется уровнем порога слегка заглубленного помещения гарнизона (отметка глубины 16,9—17,0 м) и вымостки перед входом в круглую башню (213), возможно, слегка поднятого (отметка 17,5 м), в то время как дневная поверхность вышележащего слоя близка уровню верхней плоскости вымостки по Второй продольной улице (193), имеющей уклон к востоку (отметки 17,92; 17,67; 17,52 м) и уровню входа в наиболее позднюю постройку, названную условно «последготский дом» (отметка около 18,0 м). Разница этих уровней 0,5—1,0 м.

Хронологические границы нижнего и верхнего слоев напластований II—IV вв. н. э. определяются как массовым сопровождающим материалом, хорошо датируемыми отдельными памятниками нумизматики и керамической эпиграфики, так и важными комплексами находок.

Раскопки цитадели сопровождались находками обломков красноглиняных широкогорлых амфор II—III вв. н. э.¹⁸, преобладавших в верхнем горизонте, узкогорлых амфор этого же времени¹⁹, число которых увеличивалось с углублением вдоль фасадов. В напластованиях, перекрывавших цитадель, и в слое ее выявления около 80% найденных античных монет относятся ко II—III вв., причем наибольшее количество из числа последних принадлежит Тире императора Адриана (117—138 гг.), т. е. первой половине II в.²⁰ Только отдельные предметы из засыпи (монеты, фрагменты краснолаковых сосудов, светильник) датируются I в. н. э.

Черепица со штампами V Македонского легиона²¹, вексиляций

¹⁷ С. Д. Крыжицкий. Итоги и задачи..., с. 225; его же. Стан та завданя..., с. 59 (план).

¹⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. — МИА, № 83. М., 1960, с. 113, табл. XXXI, 75; с. 114, табл. XXXIII, 80.

¹⁹ Там же, с. 117, табл. XXXVII; А. И. Фурманська. Археологічні пам'ятки..., с. 89, табл. I, 1.

²⁰ П. О. Карышковский. Находки позднеимперских и византийских монет..., с. 82, прим. 12.

²¹ ОАМ, инв. № 83305, 83310, 85626, 85627, полевой инв. № БД-74-43-2; БДКМ, инв. № А-1225, А-1226, А-3937, А-4755, А-4780, А-4785, А-4789, А-4794, А-6988, А-6992; Е. В. Максимов. Новый памятник первых веков нашей эры в Тире. — КСИА, вып. 5. К., 1955, с. 80; P. Nicorescu. Garnizoana Romana in sudul Basarabiei. — A. R. Memoriile sectiunii istorice, ser. III, t. XIX. Bucuresti, 1937, с. 218, рис. 1.

трех легионов — V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева²², с инициалами центуриона I легиона (Италийского)²³, происходящая из раскопок последних лет в южной части Центрального раскопа или прилегающих участков, раскрытых ранее, служила для покрытия помещений римского гарнизона на территории цитадели, а также самих ее сооружений.

Эти памятники наряду с ранее известными датированными латинскими эпиграфическими документами подтверждают функционирование цитадели со времени Траяна и не позднее середины III в. н. э.²⁴ Открытые до сих пор сооружения цитадели, очевидно, возводились не ранее начала II в. н. э., однако не исключено, что уже в конце I в. н. э. сооружались укрепления в связи с вероятным в это время появлением римского гарнизона²⁵.

Верхняя дата достаточно хорошо изученного слоя, содержащего строительные остатки цитадели, увязывалась с эвакуацией гарнизонов римских опорных пунктов в связи с «готским нашествием» и подтверждалась временем появления новых построек на прекративших существование сооружениях цитадели.

«Послеготский» слой Тире подвергся наибольшему разрушению в силу того, что около 900 лет не перекрывался другими сколько-нибудь значительными культурными напластованиями, а в конце XIII—XIV вв. во время интенсивного строительства золотоордынского города остатки построек этого слоя разбирались или перестраивались.

При всей смешанности грунтовых наслоений из-за перекопов и глубоких вторжений, приведших к смешанности сопровождающего материала почти на всю глубину напластований римского времени, имеются различия в массовых находках верхнего и нижнего слоев. В верхнем слое чаще встречаются обломки красноглиняных амфор с рифлеными стенками, больше обломков сероглиняной и лепной посуды; реже попадаются импортные изделия.

Несмотря на общую слабую изученность керамики позднеимперского времени, недостаточное знание твердо датированных находок второй половины III и IV вв. н. э.²⁶, можно, однако, указать на отдельные предметы из верхних наслоений городища, аналогичные материалам, относимым на других памятниках к III и IV вв. н. э. Это светильники²⁷ с

²² Полевой инв. № БД-72-162, БД-74-43/1; БДКМ, инв. № А-4731, 4777; P. Niculescu. Garnizoana..., с. 219, рис. 2—5.

²³ И. Б. Клейман. К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты. — КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 179—182; его же. Раскопки помещения..., с. 238.

²⁴ P. Niculescu. O. inscriptie a Imparatului Traian gasita la Cetatea Alba. — A. R. Memoriile sectiunii istorice, ser. III, t. XXVI. Bucuresti, 1944, с. 501.

²⁵ П. О. Карышковский. Из истории Тире в I—II вв. н. э. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 158.

²⁶ Например, ошибочная предварительная датировка II—III вв. н. э. керамического и строительного комплекса послеготского дома (см. С. Крижицкий, И. Б. Клейман. Раскопки в Білгороді-Дністровському..., с. 179; Н. М. Кравченко. Комплекс римского часу в Тире. — Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., вып. IV. К., 1972, с. 184.

²⁷ ОАМ, инв. № 84249, 80218; полевой инв. № БД-74-48; P. Niculescu. Fouilles de Tyras. — Dacia, III—IV (1927—1932). Bucuresti, 1932, рис. 109—113. И. Б. Клейман. Раскопки..., рис. 5, 3. О датировке см. M. Berglund. Lampki starosytnie. Warszawa, 1955, с. 329, № 331; В. И. Кадеев. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. Харьков, 1970, с. 108, рис. 16, 5.

рубчатым орнаментом на плечиках фибулы Т-образные с «луковичками»²⁸, бусы, в том числе полихромная бочковидная, и другие предметы. В каменном завале над северной частью здания вексилляции найдена верхняя часть раздавленной амфоры с примыкающими к кромке венчика массивными профилированными ручкам и ангобированной поверхностью²⁹. Верхние части аналогичных амфор известны из позднеантичного комплекса Ольвии³⁰ и раннесредневекового слоя Мирмекия³¹. Как и в северной части раскопа³², встречены обломки узкогорлых красноглиняных амфор с высоко поднятыми ручками, датированных по многочисленным находкам на афинской агоре концом III—V вв.³³

Датировку нижнего горизонта послеготского слоя дают нечастые находки монет второй половины III в. н. э. К уже указанным прибавились антонианы Филиппа Араба Галлиена и Диоклетиана³⁴, а в 1974 г. две монеты Гордиана III (238—244 гг.).

Лучше всего время возникновения напластований на разрушенной цитадели указывает находка трех слипшихся монет у нижней части стены помещения, перекрывающего юго-западный угол здания вексилляции Италийского легиона, в числе которых, кроме денария Юлии Мамеи, были антонианы Галлиена (253—268 гг.) и Валериана (253—260 гг.). Последние наиболее близки ко времени возобновления строительной деятельности в послеготской Тире.

Решающее значение при выделении слоя III—IV вв., определения его хронологических границ имел керамический закрытый комплекс из послеготского дома³⁵. Наиболее четко датированным компонентом его стали подавленные полной реставрации амфоры III—IV вв. н. э. типа узкогорлых светлоглиняных Викторовки-Инкермана, широкогорлых красноглиняных Делакеу-Харакса³⁶, амфора, аналогичная найденной на черняховском памятнике у с. Ягнятино. Последняя относится к типу середины и второй половины IV в. н. э.³⁷ В целом комплекс послеготского дома дал важнейший материал для характеристики наиболее поздних напластований античного города.

²⁸ ОАМ, инв. № 83330; И. Б. Клейман. Раскопки..., рис. 5, 2; В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия..., № 11 000; А. К. Амброс. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, Д1-30. М., 1966, с. 74, табл. 13, 6—8. Фибулы этого типа — в старой коллекции ОАМ из Аккермана, инв. № 46 790; В. В. Кропоткин. Указ. соч., № 1103.

²⁹ ОАМ, инв. № 82 231, раскопки 1963 г.

³⁰ Г. М. Мелентьева. Ольвийский керамический комплекс первых веков нашей эры. — КСИА, вып. 116. М., 1969, с. 23—28, рис. 2, 3.

³¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — МИА, № 25. М., 1952, с. 180, рис. 82.

³² А. І. Фурманська. Археологічні пам'ятки..., с. 89, табл. II, 7. Известны находки на Боспоре (см. И. Б. Зеест. Указ. соч., с. 114, табл. XXXVIII, 79).

³³ Полевой инв. № БД-73-310; о датировке см. H. Robinson. Pottery of the Roman Period.—The Athenian Agora. 5, Princeton. New Jersey, 1959, группа К, табл. 28, 31.

³⁴ П. О. Карышковский. Находки позднеимперских и византийских монет..., с. 82, рис. 11.

³⁵ И. Б. Клейман. Материалы из керамических комплексов Тире II—IV вв. н. э. — Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, с. 17—18; Н. М. Кравченко. К вопросу о взаимосвязях позднеантичной Тире и варварских племен (черняховская культура). Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, с. 20.

³⁶ В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе. — САИ, Д1-27. И., 1970, с. 9, рис. 33, 5; 34 и 35; с. 10—14, рис. 6—8.

³⁷ М. Б. Щукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. — СА, 1968, № 2, с. 44—45, рис. 4.

Суммируя датирующий материал и учитывая различия в стратиграфическом положении строительных остатков в самом послеготском слое, можно сделать вывод о том, что перечисленные монетные находки и наиболее поздние предметы керамического комплекса (амфора ягнятинского типа) дают, очевидно, две крайние даты, которые могут считаться хронологическими границами послеготского слоя — середина III — вторая половина IV в. н. э.

Столь позднее выделение лежащего сверху слоя III—IV вв. в Тире можно объяснить рядом обстоятельств, как общих для некоторых античных памятников, так и специфических. Уже указывалось на разрушения, связанные с бурным строительством на этой же площади в XIII—XIV вв. Общим было резкое уменьшение монетных находок в связи с прекращением местной чеканки, отсутствии ярких датирующих материалов. Наконец, установившееся в литературе и ставшее традиционным утверждение о гибели города в середине III в. н. э., подкрепленное авторитетом крупных ученых³⁸, и отсутствие при раскопках прежних лет твердо датированного пласта строительных остатков не позволили преодолеть при определении времени наслоения самого последнего периода жизни Тире рубеж середины III в. н. э.

Только в работах последних лет выделены напластования и некоторые группы находок III—IV вв. н. э. в Танаисе³⁹ и на сельских поселениях Боспора⁴⁰. Последующие наблюдения при выявлении в 1973—1974 гг. остатков нескольких построек, определении связи жилых поверхностей, трамбовок и вымосток в разных местах вновь раскрытой части Центрального раскопа показали, что и в самом послеготском слое существует два перекрывающие друг друга горизонта, соответствующие двум периодам строительства после середины III в. н. э.

Ранее было установлено, что вымостка (193), проложенная в верхнем горизонте по Второй продольной улице, специально не предназначалась для подхода к послеготскому дому, поскольку она резко сворачивает к северо-западу, смыкаясь с вымостками между двумя помещениями этого же слоя. С юго-востока к вымостке примыкает помещение с полом (отметка поверхности 17,81 м) из крупных плит (244); подошвы кладок, образующих его западный угол, имеют одинаковую глубину заложения с вымосткой (отметка 17,55 м). Между тем подошвы стен расположенного рядом к юго-западу послеготского дома (отметка 18,0 м) заложены выше на 0,45 м.

Таким образом, вымостка улицы и помещение из плит, с одной стороны, и послеготский дом — с другой, лежат в разных горизонтах одного слоя. Последнее подтверждается распространением мощеной мелким камнем и утрамбованной поверхности с отметкой 17,7—17,75 м от юго-юго-западной стены помещения с полом из плит под подошву северо-северо-восточной стены послеготского дома. При раскопках послеготского дома ниже его пола на отметке 17,7—17,8 м встречена жилая поверхность с очагом и кладкой (91), мало связанная со стенами дома и относящаяся, очевидно, еще к предшествующему периоду.

Античная кладка (261), перекрытия нивелировочной подсыпкой, разделяющей средневековые и позднеантичные слои, выявлена над уровнем пола наземного помещения, включающего подвал, сооруженный на куртине цитадели (150) с лестницей. По-видимому, в первый

³⁸ Т. Моммзен. История Рима, т. V. М., 1949, с. 206—207.

³⁹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 307—335.

⁴⁰ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 26—27.

период после разрушения цитадели был построен дом с подвалом (150), очевидно, синхронный помещению III на юго-западном углу здания вексилляции и помещению (244), перекрывающему его вход. К этому же периоду относится вымостка по Второй продольной улице.

Во второй период на повысившейся дневной поверхности были возведены стены послеготского дома, кладка (197) постройки к северо-западу от него и кладка (161), пересекающая наземное помещение дома с подвалом (150).

Подобная ситуация наблюдается и в других местах территории цитадели, где сохранились на разных горизонтах отдельные кладки как первого, так и второго периодов позднеантичной застройки. К первому относятся остатки стен (139, 142, 153) помещений у северо-западного фасада круглой башни (рис. 3), исключая ее военное использование; подошвы этих кладок лежат ниже уровня основания стен расположенного рядом послеготского дома (88); ко второму — кладка верхнего горизонта (54), пересекающая по направлению запад—восток стену цитадели (235—231).

Таковы в общих чертах результаты в составлении стратиграфической схемы позднеантичных напластований Тире II—IV вв. н. э. Раскопки последних более чем 10 лет позволили различить в остатках Тире римского времени два основных слоя. К нижнему относится открытая цитадель римского гарнизона, датируемая II — первой половиной III в. н. э. К верхнему, впервые выделенному и продатированному второй половиной III—IV вв. н. э., — постройки, возникшие на развалинах цитадели. В пределах последнего этапа жизни города, получившего отражение в верхнем слое, намечаются два перекрывающие друг друга периода возведения построек.

А. В. ГУДКОВА

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СССР

Длительное время в советской археологии господствовало, да и сейчас еще распространено мнение о том, что черняховская культура связана в основном с лесостепью. Считалось, что степи в силу своих физико-географических условий были непригодными для обитания носителей этой культуры¹. Впервые это представление было поколеблено в 40-е и особенно в 50-е годы с открытием в степном Поднепровье многочисленных памятников, поселений и могильников, которые исследователи без колебаний определили как черняховские². Это определение и сейчас остается общепринятым. Предполагалось, что памятники порожистой части Днепра составляют особую группу в черняховской культуре³. Южной границей распространения памятников на Днепре счи-

¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, № 89. М., 1960, с. 106, 159.

² Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. — СА, 1955, т. XXIV; Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. — СА, 1955, т. XXII; А. Т. Брайчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. — Археологія, т. XI. К., 1957, с. 4.

³ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, с. 152. Нами материалы Надпорожья и порожистого Днепра подробно не рассматриваются, как и отношение их к прочим памятникам степной зоны.